

изограф однако не повторил автора и не то изображает в лицах, что второй написал в стихах; но он старался домолвить то карандашом, что словами стихотворец не мог или не хотел сказать, оставя смысл тонкий на проничание читателю. Сей-то смысл под рукою молодого художника,¹ где в прямом смысле, где в иносказательном, образовался и в лицах беседует с умом читателя, которому может быть тем приятнее сия зримая беседа немых лиц, а без того прискучило может быть в стихах и в чертежах те же действия видеть в словах и в лицах. . .»

«Художник в сем сообразовался с легким вкусом и правилом поэзии, где воображение родило и вкус автора образовал правоучение в поэме; но дабы правоучение не скучило, он покрыл его тонкою завесою аллегории и оставил на догадку. . .», — писал Львов в заметке «К виньетам Державина» 1803 г.²

Итак, рисунки — это «зримая беседа немых лиц», художник руководствовался в них «легким вкусом и правилами поэзии». В этом высказывании еще нет принципиального различия живописи от поэзии. Однако настойчивые указания Львова на то, что художник выразил идеи стихотворных пьес по-своему, не в тех образах, в каких они даны поэтом, намекают на некоторые уступки новым требованиям. Художник, очевидно, не желал быть «копиистом» или подражателем второго типа по Лессингу.

Иллюстрации к сочинениям Державина, конечно, были задуманы как образцы «вкуса и изящества» в модном, классическом стиле. Оленин ввел в свои виньетки мотивы античного искусства — геммы, медальоны, статуи, элементы помпейских фресок и придавал большинству своих композиций скульптурный характер. Виньетки исполнены согласно принципам классической аллегории, т. е. из стихотворной пьесы извлечена идея и к этой идее подыскана условная изобразительная эмблема. Так, напр., концовка к «Объявлению любви» изображает подошечник, что значит «всюду следуя за тобой», концовка стихотворения «Нине» изображает верблюда, означающего умеренность, сдержанность. Обе эти эмблемы взяты из сборника «Символы и эмблемы» Нестора Амбодика (1786). Державин сам составлял замысловатые «программы» виньеток, похожих на ребусы, и подробно объяснял их значение. Концовку к стихотворению «Храповицкому» он объясняет так: «Гений правосудия пробует хорошо ли соединяются весы правосудия с лирой Аполлона. Когда истинное просвещение (представленное в виде светоча, испускающего лучи) составляет основание обоих, то грушпа сия и в рисунке не противна».³

В тех случаях, когда в стихотворениях Державина были налицо аллегорические образы, выражавшие идею, художник поступал точно так же: он извлекал идею и зашифровывал ее по-своему.

¹ Оленин не стал бы называть себя «молодым художником». Это писал Львов.

² Собр. соч. Державина под ред. Я. Грота, т. I, стр. ХХХI.

³ Собр. соч. Державина, т. I, стр., 541 и 546.